

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 2

Весна 2015

Россия и Кавказ	1
<i>Р. Крейг Нейшн</i>	
Нормы против интересов: двусмысленный характер демократической кондициональности НАТО в Армении.....	14
<i>Шалва Дзедзишвили</i>	
Южный Кавказ между Россией и Западом: насколько прагматичны подходы заинтересованных сторон?.....	41
<i>Гаянэ Новикова</i>	
Россия, ЕС и Южный Кавказ: разработка эффективной всеохватной схемы региональной безопасности, основанной на сотрудничестве.....	57
<i>Эльхан Нуриев</i>	
Прохождение Южного Кавказа через беспокойные воды к региональной интеграции	71
<i>Джордж Влад Никулеску</i>	
Россия против ЕС/США в случаях Грузии и Украины	83
<i>Давид Мацаберидзе</i>	
Евразийский Экономический Союз и трудности интеграции: случай Южной Осетии и Абхазии	95
<i>Елизавета Егорова и Иван Бабин</i>	
Возвращение к Вавилонскому столпотворению: гонка интеграции на Южном Кавказе	106
<i>Хайдемария Гюрер</i>	

Россия против ЕС/США в случаях Грузии и Украины

Давид Мацаберидзе *

Резюме: В этой работе проанализировано создание и трансформация постсоветской стратегии безопасности Грузии и Украины в контексте постсоветской внешней политики России в «ближнем зарубежье» или того, что часто называют «законной сферой» российского влияния. После Революции роз в Грузии и Оранжевой революции на Украине независимая/прозападная ориентация этих двух государств стала основным вопросом, секьюритизированным Российской Федерацией. Поэтому сохранение территориальной целостности стало главным приоритетом в сфере безопасности для Грузии (с начала 1990-х) и, похоже, станет основной проблемой для Украины после оккупации Крыма Российской Федерацией (март 2014) и последующего развития событий в Восточной Украине. Изменения во внутренней политике этих стран были транспонированы в международное соперничество между Россией и ЕС/США, выражающееся в столкновении парадигм «суверенной демократии» и «Цветной революции» для будущего постсоветских государств. По существу, это инструменты сохранения российского влияния с одной стороны, и применение ценностей западной мощи с другой, на территории Бывшего Советского Союза, поддерживаемые проектами Европейская Политика Соседства (ЕПС) и Восточное Партнерство (ВП). Военные действия России в Грузии (2008) и на Украине (2014) были ответом на мягкую силу, применяемую Западом, и направленную на создание буферных зон в форме «замороженных конфликтов». Такие конфликты можно использовать как рычаг непрямого влияния в руках Российской Федерации для блокирования западных амбиций в Грузии и на Украине.

Введение

В этой работе анализируется формирование и трансформация постсоветских перспектив в сфере безопасности Грузии и Украины в контексте постсоветской внешней политики России в «ближнем зарубежье», часто называемое высокопоставленными российскими чиновниками «законной сферой» российского влияния. Это исследование охватывает панораму внешней политики постсоветской России на территории БСС с начала 1990-х до наших дней, когда независимая и прозападная ориентация Грузии и Украины стала основным вопросом, секьюритизированным Российской Федерацией. Соответственно, сохранение территориальной целостности стало главным приоритетом безопасности для Грузии с начала 1990-х, и вероятно, будет основной проблемой для Украины после оккупации Крыма Российской Федерацией в марте 2014 года и последующего развития событий в Восточной Украине. Поэтому можно утверждать, что постсоветская российская и грузинская/украинская стратегии безопасности (после мирных революций) представляют собой игру с нулевой суммой.

* Давид Мацаберидзе является ассистентом кафедры международных отношений Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили (Грузия).

В статье будут рассмотрены основные темы внешней политики России после распада Советского Союза. С одной стороны, основанной на православной геополитике в качестве легитимирующего нарратива для ее сферы влияния на территории БСС, и с другой стороны, на нарративе виктимизации России и русских Западом после распада Советского Союза. Я покажу, что Россия борется против своего статуса второразрядного государства, и что движущей силой внешней политики Российской Федерации является очевидное столкновение между западной либеральной демократией и российским православием. Революция роз и Оранжевая революция в Грузии и на Украине рассматриваются Российской Федерацией как основные проблемы в сфере безопасности, что в свою очередь дает Грузии и Украине повод уйти от российской геополитической оси.

В работе найдут отражение реакции России на изменения в ближнем зарубежье с начала 1990-х, во время мирных революций и до кризисов 2008 и 2014 годов. Во второй части исследования будут привязаны к контексту основные стратегии трансформации стратегий российской внешней политики в ближнем зарубежье в процессе реализации амбиций Грузии и Украины на членство в ЕС и НАТО. В этом плане в работе будут перечислены основные инструменты, которые использует Россия для эффективного блокирования этого процесса. И последнее, но не по значению, в работе будут рассмотрены российско-грузинский и украинско-грузинский конфликты через более широкую призму постсоветских противоречий между Россией и Западом. Для выявления этого взаимодействия я исследую стратегию безопасности и мотивацию каждой из сторон и рассмотрю важные элементы.

Российская реакция на перемены в соседних странах

Приход к власти национально-либерального движения в Грузии (начало 1990-х) и победа прозападных сил в периодах после бархатных революций в постсоветских Грузии и Украине (начало 2000-х) рассматривается Москвой как триумф националистов в Тбилиси и Киеве. Поэтому Москва секьюритизировала национальные меньшинства в Грузии (абхазцы и южные осетины) и русское население в Восточной Украине с целью вмешиваться во внутренние и иностранные дела этих государств.¹ Если непосредственная угроза разделения Украины по линии Восток-Запад была избегнута в 1990-х, Грузия столкнулась с двумя конфликтами в населенных национальными меньшинствами автономных провинциях в 1992-1993 и с полномасштабной войной с Россией в 2008 году. Гражданская война начала 1990-х и сепаратистские конфликты в Абхазии и Южной Осетии заставили Грузию войти в Сообщество Независимых Государств (СНГ) в обмен на стабилизацию страны и замораживание конфликтов на 20 процентах территории страны. В отличие от

¹ Концепция «секьюритизации» восходит к Копенгагенской школе и касается процесса крайней политизации, позволяющей государственным акторам превращать некоторые вопросы в проблемы «безопасности». См. Barry Buzan, Ole Wæver, and Jaap de Wilde, *Security: A New Framework for Analysis* (Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998), 25.

Грузии, хотя Украина успела избежать «кровавого начала» постсоветского перехода в 1990-х (для этого есть несколько объяснений), Майданная революция 2014 года и полноразмерная российская оккупация Крыма, за которой последовал сепаратистский захват Луганска и Донецка, ввергли Восточную Украину в хаос войны. Ценой прекращения кровопролития мог быть выбор Украины присоединиться к Евразийскому Союзу, который Путин пропагандировал на всей территории БСС. Хотя и Грузия и Украина упорствовали в своем желании присоединиться к ЕС и НАТО, реальной возможностью для каждого из этих государств было Соглашение об ассоциации (уже подписанное) и разные форматы сотрудничества с НАТО, которые являются переходной средой к Плану действий по членству (ПДЧ). Тем не менее, наличие внешних ограничений, порождающих осторожность у ЕС и НАТО при проведении их политики приема, вряд ли можно отрицать.

Так в чем же основная проблема для России? Во-первых, факт, что «Советский Союз просто перенес Российскую империю в двадцатый век, и усилия российских лидеров, направленные на строительство государства, например Путина, являются заложником такого predetermined пути [...] Имперская Россия и Советский Союз привели к одинаковому сочетанию авторитаризма, военной экспансии и оборонной паранойи».² Революция роз и Оранжевая революция в Грузии и Украине встревожили Москву. Это были первые сигналы будущей экспансии на Восток интересов ЕС и НАТО. Термин «суверенная демократия» вошел в политический словарь как ответ Москвы на продемократические «цветные революции» в постсоветских государствах.³ Человек, придумавший этот термин «суверенная демократия», бывший заместитель премьер-министра и близкий советник Путина Владислав Сурков описал свою мысль в *Национализации будущего: параграфы за суверенную демократию*, которую можно резюмировать следующим образом: «Стремление к политической целостности и централизованной власти, идеализация целей и персонификация политики» [...] «Россией управлял правящий класс с сильной патриотической концепцией развития страны, и она несомненно являлась продолжением длительной традиции национального самоутверждения против реальных и воображаемых врагов».⁴ Таким образом, столкновение двух идеологий – либеральной демократии Запада, продвигаемой в ближнем зарубежье посредством бархатных революций, и «суверенной демократии» России – вполне очевидно.

Нет сомнения, что бархатные революции, начавшиеся в Сербии и распространившиеся на территорию БСС, в том числе и в Кыргызстане в Центральной Азии, были тревожным сигналом для Москвы. Россия была еще больше раздосадована признанием Косово, которое ясно показало провал кремлевской православной парадигмы. В 1999-2000 Россия не была в состоянии подать руку Сербии во время

² Christopher Leigh, “Back to the Future? Pre-Soviet History and Political Thought in the Putin Era,” *Post-Soviet Politics: Politics, Foreign Policy and Strategic Competition*, 3 October 2013, доступно на <https://postsovietspolitics.wordpress.com/2013/10/03/back-to-the-future-pre-soviet-history-and-political-thought-in-the-putin-era/> (по состоянию на сентябрь 2014).

³ Там же.

⁴ Там же.

натовских бомбежек. Бархатные революции были событиями, которые инициировали постепенный переход российской внешней политики на открыто агрессивную позицию в отношении ближнего зарубежья. 18 апреля 2014 года в своем обращении к российскому парламенту Президент Путин оправдал аннексию Крыма, сославшись на унижения, которые перенесла Россия из-за множества невыполненных обещаний Запада, в том числе и обещания не расширять НАТО за пределами объединенной Германии, подчеркнув, что «в течении 20 лет нарратив предполагаемых «нарушенных обещаний» не расширять НАТО на Восток был неотъемлемой частью российской постсоветской идентичности».⁵ Как признает Брюс Ридель, старший научный сотрудник и директор Разведывательного проекта института Брукингс, «Стратегической целью Владимира Путина было обратить результаты поражения Советского Союза, которого добилась секретная поддержка ЦРУ афганским моджахедам в 1989 году [...], для Путина это было самой большой геополитической катастрофой двадцатого века».⁶ Также в 2009 году сам Горбачев вспомнил, что «Соединенные Штаты [...] обещали, что после объединения Германии в 1990 году “НАТО не продвинется на Восток ни на сантиметр”»,⁷ а на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году Путин подчеркнул: «оказалось, что НАТО расположило свои передовые силы на наших границах, и мы [...] не отреагировали на эти действия никоим образом».⁸ В более широком плане, если настоящие намерения России в 2008 году были замаскированы под предтекстом защиты меньшинства в районе Цхинвали (ранее в советское время называемого Южной Осетией), как заявил Президент Путин в то время, агрессия на Украине в 2014 году была актом реванша, по словам самого Путина, за прошлые унижения.

Русский реванш: блокировка принятия Грузии и Украины в ЕС и НАТО?

Русский реванш имеет два измерения: практическое и идеологическое. Первое доходчиво было подчеркнуто Комитетом оборонного планирования НАТО: «Способность и намерение России предпринимать значительные военные действия без особого предупреждения представляет собой далеко идущую угрозу для сохранения безопасности и стабильности в евроатлантической зоне».⁹ А второе сжато сформулировано Александром Дугиным, который пишет о столкновении религиозных цивилизаций и опасности, перед которой стоит русское православие в

⁵ Michael Rühle, “NATO Enlargement and Russia: Myths and Realities,” *NATO Review Magazine*, доступно на www.nato.int/docu/review/2014/russia-ukraine-nato-crisis/nato-enlargement-russia/en/index.htm (по состоянию на сентябрь 2014).

⁶ Justin Lynch, “Putin’s Machiavellian Moment,” *The Weekly Wonk*, 24 July 24 2014, доступно на <http://weeklywonk.newamerica.net/articles/putins-machiavellian-moment> (по состоянию на сентябрь 2014).

⁷ Andreas M. Bock, “Too Blind to See the Threat We Pose to Russia,” *European Union Foreign Affairs Journal* 3 (2014): 50.

⁸ Там же, 50.

⁹ Там же, 52.

современной эпохе, связь между расширением католицизма и расширением НАТО: «здесь геополитический смысл более сложен. Католицизм так же олицетворяет Европу, как православие символизирует Россию. Спровоцированный конфликт задерживает развитие российско-европейских отношений [...] кто от этого выигрывает? Не Европа, не Россия, не Ватикан и не Русская православная церковь. Только США. Мы за диалог с католицизмом: но в этом случае есть не диалог, а провокация, аналогичная расширению НАТО на Восток».¹⁰

Россия особенно обижена решением некоторых бывших советских республик или «союзников» в Восточной Европе стать членами НАТО и ЕС (два очень разных «творения» в глазах России в смысле восприятия и приемлемости), и поддержкой США прозападных правительств в таких странах, как Грузия и Украина.¹¹ Оранжевая революция на Украине и Революция роз в Грузии достигли кульминации приходом власти элит, которые видели будущее своих стран в ЕС и НАТО. Как раз потому, что соответствующие процессы расширения этих двух организаций не задуманы как антирусские проекты, они открыты и – парадоксально – обречены быть воспринимаемыми Россией как перманентное посягательство на ее статус и влияние.¹² Это основные угрозы безопасности Российского государства: включением Грузии и Украины в ЕС и НАТО, так называемая «буферная зона» между Россией и Западом исчезнет и военный блок выйдет на границы самой России.

Таким образом, если война в августе 2008 года была попыткой России пресечь грузинские амбиции на вступление в НАТО и ЕС, или по крайней мере трансформировать их неопределенное обещание на будущее, украинский кризис раскрывает настоящее желание Путина, его более широкие намерения. Его можно рассматривать как «объединение русской земли и русских душ, некое отражение процесса объединения Германии в 1990 и [...] национальное восстановление, являющееся в каком-то смысле ревизией постсоветского геополитического порядка».¹³ Эти два случая военных проявлений постсоветской российской внешней политики в Грузии (2008) и на Украине (2014) можно рассматривать как реванш за унижение России в начале 2000-х. Учитывая факт, что натовская кампания бомбежек Сербии воспринималась в российских внешнеполитических кругах как катастрофическое унижение, сейчас Путин намеревается вновь утвердить российскую мощь и добиться уважения на мировой арене.¹⁴ Нет никаких аргументов против утверждения, что в 2008 Россия попыталась использовать де факто независимость

¹⁰ Leigh, “Back to the Future.”

¹¹ Thanos Dokos, “How the EU got it so Wrong in Ukraine,” *Europe’s World*, 24 April 2014, доступно на <http://europesworld.org/2014/04/24/how-the-eu-got-it-so-wrong-in-ukraine/> (по состоянию на сентябрь 2014).

¹² Rühle, “NATO Enlargement and Russia.”

¹³ Roberto Orsi, “The Irreversible Crisis of the Ukrainian Experiment,” *Security Studies Unit (SSU)/Policy Alternatives Research Institute (PARI)*, доступно на <http://pari.u-tokyo.ac.jp/eng/unit/ssu/articles/orsi20140507.html> (по состоянию на сентябрь 2014).

¹⁴ Leigh, “Back to the Future.”

Косово после интервенции НАТО как оправдание для получения международного признания Абхазии и Южной Осетии. Во время войны 2008 года между Россией и Грузией Путин сделал ясное послание, что он готов использовать военную силу для достижения целей внешней политики.¹⁵ Очевидно, оккупация Крыма, Абхазии и Южной Осетии являются относительно схожими новыми проблемами качественного характера, но реверс их результатов будет гораздо более трудным в Крыму, чем в Абхазии или Южной Осетии, учитывая русскоязычное население в регионе. Однако, все это будет зависеть от решительности западных стран противостоять новой военной политике Российской Федерации в отношении ближнего зарубежья.

Основная цель России – создать буферные зоны между Российской Федерацией и структурами ЕС/НАТО – может быть достигнута путем создания замороженных, или которые могут быть заморожены, конфликтов в Грузии и Украине соответственно. В настоящее время грузинские и украинские усилия, направленные на эффективное членство в ЕС и НАТО, заблокированы в свете августовской войны 2008 года и украинского кризиса 2014 года. По мнению Вигена Четеряна, международное соперничество было основной причиной августовской войны и главным источником нестабильности на Кавказе – результат «расширяющегося участия (и соперничества), военного и экономического, между двумя основными силами – Соединенными Штатами и Россией».¹⁶

Случай Грузии

Я бы сказал, что не развитие событий до августа 2008 года в частности привело к изменениям в конфликтных зонах Грузии, а преднамеренные действия всех акторов, приведшие к изменениям в их внешних привязанностях. Можно сконструировать более широкий предлог августовской войны, прослеживая ее корни назад во времени до 2001 года. «То, что изменило ситуацию, была смена администрации России в следующем году. Владимир Путин пришел к власти и постепенно реализовал политику наказания Грузии, окончания изоляции Абхазии и изменения баланса сил в этом конфликте», заявляет Де Ваал.¹⁷ Рональд Д. Асмус дополняет: «Москва не заинтересована в разрешении этих конфликтов, что позволило бы Грузии пойти на Запад гораздо быстрее»,¹⁸ поддерживая таким образом идею, что открыто заявленный прозападный, про-ЕС и про-НАТО курс правительства Революции роз вызывал особую тревогу в Москве. Россия не могла потворствовать сво-

¹⁵ Dokos, “How the EU got it so Wrong.”

¹⁶ Vicken Cheterian, “The Big Re-Freeze – Has the Regional Balance of Power Merely Cooled into a Different Configuration?” *The International Institute for Strategic Studies (IISS)*, доступно на www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/about/georgian-russian-dialogue/caucasus-security-insight/vicken-cheterian/the-big-re-freeze (по состоянию на май 2011).

¹⁷ Thomas de Waal, *The Caucasus – An Introduction* (Oxford: Oxford University Press, 2010), 166.

¹⁸ Ronald D. Asmus, *A Little War that Shook the World – Georgia, Russia and the Future of the West* (New York: Palgrave Macmillan, 2010), 4.

ему окружению государствами-членами НАТО. По мнению Асмуса, Августовская война была началом долгой цепи действий, которые были не только направлены против Грузии или на смену режима в стране, но также на подрыв европейской безопасности: «все более националистическая и ревизионистская Россия восставала против европейской системы, которая больше не соответствовала ее интересам и была наложена на нее в момент временной слабости». ¹⁹ Августовская война была полевым испытанием для будущих действий в Европе, так как «с помощью Августовской войны Россия успела выиграть у своих более могучих соперников на своей наиболее неустойчивой и уязвимой соседней территории – на Кавказской границе». ²⁰

Россия даже не скрывала своих намерений в то время. Дмитрий Rogozin, российский уполномоченный в НАТО, упомянул, что «как только Грузия получит от Вашингтона некоторую перспективу на членство в НАТО [...], на следующий день процесс реального отделения этих двух территорий от Грузии начнется». ²¹ Это является косвенным доказательством предположения, что России был выгоден статус замороженных конфликтов, так как не было никаких реальных амбиций на участие в евроатлантических структурах со стороны Грузии. Как только правительство Саакашвили открыто пошло прозападным путем с целью обеспечить большую безопасность стране, пытаясь найти возможные решения сепаратистских проблем, необходимость незамедлительных действий в конфликтных зонах против грузинского правительства стала очевидной для Москвы. Разрешение этих конфликтов было главным предварительным условием для членства Грузии в НАТО, следовательно, игра сепаратистскими территориями против Грузии дала бы России желаемый результат – противодействие прозападным антирусским амбициям Грузии. Военная интервенция была последней мерой, предпринятой Российской Федерацией против Грузии.

Случай Украины

Аналогичные рассуждения могут иметь силу и для действий России на Украине. В качестве основных мотивов можно перечислить следующие аспекты: «внешнеполитические соображения, особенно опасения, что Украина создаст тесные связи с Европой в целом и с НАТО в частности, стоят за политикой Кремля в отношении

¹⁹ Там же, 4.

²⁰ Ronald G. Suny, “Russia has Taken on Its Powerful Competitors for the First Time Since 1991,” *The International Institute for Strategic Studies (IISS)*, доступно на www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/about/georgian-russian-dialogue/caucasus-security-insight/ronald-suny/a-watershed-in-east-west-relations (по состоянию на май 2011).

²¹ David J. Smith, “The Saakashvili Administration’s Reaction to Russian Policies Before the 2008 War,” in *The Guns of August 2008 – Russia’s War in Georgia*, ed. Svante E. Cornell and Frederick S. Starr (Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2009), 125.

Украины».²² Можно утверждать, что быстрые действия России сначала в Крыму и затем в Восточной Украине обусловлены неожиданным успехом Майдана и развитием программы Восточного партнерства в Соглашение об ассоциации, которое рассматривается Россией как ступень к вступлению в такие организации как НАТО, чье расширение на Восток воспринимается российскими чиновниками в сфере безопасности как главная угроза.²³ Однако, некоторые эксперты обвиняют сам ЕС за предоставление России «полной свободы» на Украине. В этом плане они указывают на персональную дружбу Герхарда Шредера и Владимира Путина, приведшую к тому, что Шредер согласился на международную сделку о строительстве газопровода Северный поток для транспортировки природного газа по дну Балтийского моря от российского Выборга напрямую к газовому распределительному центру в Грайфсвальде, Германия, который эффективно обходил Украину с ее возможной геополитической неустойчивостью и который был выполнен с большой пунктуальностью.²⁴ В этом контексте, можно ли говорить о столкновении двух матриц безопасности – ЕС и России – в процессе формирования диверсификационных проектов по обеспечению энергетической безопасности на территории стран БСС, Грузии и Украины? И если да, то как проекты ЕС/США, способствующие либеральной демократии, будут переносить российскую энергетическую и военную политику?

Разное время, одинаковые результаты

Какие проблемы проистекли из всего этого для Грузии и Украины во внутреннем плане и для ЕС/США в международном? Во-первых, существует проблема территориальной целостности. Ключ к разрешению проблемы нарушений границы находится в руках Кремля. В поиске путей выхода из гражданской войны и постоянных поражений в войне в Абхазии, Грузия присоединилась к СНГ в декабре 1993 года. Опасаясь, что Россия признает независимость сепаратистских районов, Грузия в какой-то мере платила дань Москве до 2008 года в смысле уступок в менеджменте и выборе направления своей внутренней и внешней политики. Подобным образом, Украина в настоящее время готова рассмотреть возможность войти в Евразийский Союз, если это обеспечит мир в Восточной Украине. Хотя из-за негативного опыта в прошлом Украина и европейские страны не доверяют России, но подобно Грузии в 1990-х, они находятся между молотом и наковальней – глубоко замороженный конфликт на границе Европы или полное эрозирование европейской системы безопасности, поскольку Россия успела секьюритизировать национальные меньшинства в своем ближнем зарубежье для обслуживания инте-

²² Timothy Frye, “A Tale of Two Russian Narratives,” *Perspectives on Peace & Security*, August 2014, доступно на <http://perspectives.carnegie.org/us-russia/a-tale-of-two-russian-narratives/> (по состоянию на сентябрь 2014).

²³ Robert McMahon, “Ukraine in Crisis,” Council on Foreign Relations, 25 August 2014, доступно на www.cfr.org/ukraine/ukraine-crisis/p32540 (по состоянию на сентябрь 2014).

²⁴ Orsi, “Irreversible Crisis.”

ресов своей внешней политики – абхазцев и южно-осетинцев в Грузии и русских на Украине. Выдвигаемые в 1990-х мотивы – защита национальных меньшинств в соседней стране, Грузии – были зацементированы в концепции национальной безопасности путем предоставления им российских паспортов: Россия обязана защищать своих граждан по всему свету всеми доступными средствами. Такая же политика была разработана и для Украины в отношении Крыма. Для этого Путин инициировал изменения в концепции национальной безопасности Российской Федерации. Таким образом, действия России в ближнем зарубежье наложили определенные ограничения на возможности ЕС помочь своим партнерам на территории БСС.

Противоречие российской и западной парадигм

Грузия и Украина не являются первостепенными целями для России; скорее, они инструменты для получения рычагов влияния на Запад. Противоречие между Россией и Западом – это не случаи 2008 и 2014 года, а выражение более широкого противостояния двух основных парадигм: православия и православной геополитики для территории БСС, поддерживаемых Россией, и распространение либеральной демократии и западных ценностей, поддерживаемых ЕС и США. В качественном смысле, это инструменты России, применяемые для сохранения ее влияния, с одной стороны, и проявление западных ценностей и западной мощи на территории БСС, с другой. Россия успешно переносит «этнические» проблемы за пределы своей территории, к примеру в Абхазию и Южную Осетию в 1990-х и Чечню в начале 2000-х. Однако Августовская война 2008 года стала сигналом об изменении в подходе российской внешней политики – использование прямой интервенции, когда это будет сочтено необходимым, что доказывается случаем Украины в 2014 году.

В качестве протиположного нарратива, Запад предоставляет зонтик европейских ценностей всем, кто готов его принять, предлагая такие средства для политического сближения как Европейская Политика Соседства (ЕПС) и Восточное Партнерство (ВП). Хотя эти средства подвинули Грузию и Украину на принятие успешной внешней политики, обуславливаемой культурными ценностями, которые постепенно позволяют им отделиться от российского православного лагеря, они все же имеют неполноты. В частности, они не дают новым партнерам и будущим членам защиту от российской агрессии, как показали случаи 2008 и 2014 года Грузии и Украины, соответственно. Кроме того, если стремление к отделению от России стало «ментальной революцией» для Грузии, как заявляет Саакашвили, такое отделение будет непросто для Украины из-за ее этнического разнообразия. Тем не менее, можно сделать общий вывод: своими войнами в Грузии и на Украине Россия разрушила основания российского православного лагеря, поскольку отношения между Россией и Украиной никогда не будут прежними. И это является серьезным вызовом для современной системы европейской безопасности.

И еще, это не только идеологическая и политическая проблема. Российская интервенция в Грузии и Украине показывает, что Россия легко может перейти от

использования мягкой силы к использованию жесткой силы, когда сочтет это необходимым для защиты интересов своей внешней политики. Россия не допустит потери влияния на территории БСС и будет использовать мягкую или жесткую силу для его сохранения. Она продемонстрировала это в газовых войнах с Грузией и Украиной после бархатных революций в 2003 и 2004 (мягкая сила) и в военных интервенциях в Грузию и Украину в 2008 и 2014 (жесткая сила). Можно утверждать, что это не проблемы только Грузии и Украины, поскольку Россия вызывает такие кризисы по всей европейской периферии, которая оказалась весьма уязвимой. В свою очередь, ЕС оказался неспособным прозреть настоящие намерения России в Августовской войне, таким образом позволив развитие украинского кризиса, которые стали первыми межгосударственными конфликтами в Европе после Балканских войн 1990-х.

Заключение

Трансформация российской внешней политики в постсоветском периоде в ближнем зарубежье и последующее развитие событий в Грузии и на Украине имеют некоторые очень радикальные схожести. Это в основном проблемы, которые проявились, а затем были секьюритизированы в Грузии и на Украине. В их число входят территориальная целостность и независимость Грузии в начале 1990-х и выборы независимой внешней политики с начала 2000-х. После Революции роз в частности, Россия начала угрожать Грузии в рамках защиты своих внешних или стратегических интересов в ближнем зарубежье. Те же проблемы появились на Украине после 2004 года, когда решения внешней политики Украины были секьюритизированы Россией, и в 2014 году, когда разделение или раздел Украины стали реальной проблемой для этой страны.

В этом контексте очевиден процесс разрушения русской православной парадигмы: после событий в 2008 году в Грузии и в 2014 году на Украине Россия больше не может рассчитывать на успех в православном лагере, но остается вопрос, можно ли изменить это военными средствами. Можно, конечно, рассматривать войны 2008 и 2014 как реакцию на успех бархатных революций, которые начали окружать Российскую Федерацию в этом регионе. Эти войны были направлены на изменение международных реалий в ближнем зарубежье. Что касается внутреннего рынка, Кремль предложил концепцию суверенной демократии в качестве альтернативы парадигмы либеральной демократии, поддерживаемой Западом. Кроме того, вышеупомянутые войны не были мстью за бархатные революции – признак грубого вмешательства Запада в дела ближнего зарубежья России, – а реакцией России на международное унижение. Унижение началось объединением Германии, продолжилось в прецеденте Косово и завершилось расширением ЕС на Восток до украинских границ.

Таким образом, мягкая сила, применяемая Западом, встречает противодействие со стороны России военными средствами. Действия России были направлены на создание буферных зон в Грузии и на Украине путем инициации «замороженных конфликтов», которые можно использовать в качестве рычагов оказания

непрямого влияния для блокирования развития западных амбиций в отношении этих двух государств. Факт, что как ЕС, так и НАТО не готовы предложить подходящие инструменты для разрешения этих проблем и не допускают вступления в них государств с территориальными проблемами внутри страны или с другими странами, является свидетельством нерадостной реальности: у России есть возможность косвенным образом наложить вето на политику расширения ЕС и НАТО в ближнем зарубежье и Россия больше не допустит наступления Запада на территорию бывших советских государств. Использование Россией военных средств для реализации своих интересов стало очевидным в появляющихся проблемах на границах ЕС, «где прекращение расширения НАТО на Восток может стать разменной монетой».²⁵ Каким бы не был итог, очевидно, что разрешение этих геополитических проблем и проблем безопасности занимает первые места в нынешней повестке дня ЕС.

²⁵ Bock, "Too Blind to See," 53.

Литература

"A Tale of Two Russian Narratives(link is external)." *Perspectives on Peace & Security* (2014).

"Back to the Future? Pre-Soviet History and Political Thought in the Putin Era(link is external)." *Post-Soviet Politics: Politics, Foreign Policy and Strategic Competition* (2013).

"How the EU got it so Wrong in Ukraine(link is external)." *Europe's World* (2014).

"NATO Enlargement and Russia: Myths and Realities(link is external)." *NATO Review Magazine* (2014).

"Putin's Machiavellian Moment(link is external)." *The Weekly Wonk* (2014).

"*The Saakashvili Administration's Reaction to Russian Policies Before the 2008 War.*" In *The Guns of August 2008 – Russia's War in Georgia*, 125. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2009.

"Too Blind to See the Threat We Pose to Russia." *European Union Foreign Affairs Journal* 3 (2014): 50.

A Little War that Shook the World – Georgia, Russia and the Future of the West. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

Russia has Taken on Its Powerful Competitors for the First Time Since 1991. The International Institute for Strategic Studies (IISS), 2011.

Security: A New Framework for Analysis. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1998.

The Big Re-Freeze – Has the Regional Balance of Power Merely Cooled into a Different Configuration?(link is external). The International Institute for Strategic Studies (IISS), 2011.

The Caucasus – An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.

The Irreversible Crisis of the Ukrainian Experiment(link is external) In *Security Studies Unit (SSU)*. Policy Alternatives Research Institute (PARI), 2014.

Ukraine in Crisis(link is external). Council on Foreign Relations, 2014.

